

ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

О. В. Остроухов

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РИСК В АСПЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (ОСНОВЫ ОПТИМИЗАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РИСКА)

***Аннотация.** В статье предпринимается попытка показать место политического риска в системе национальной безопасности государства, это является основной целью работы. Предмет статьи – политический риск в системе национальной безопасности.*

Логика статьи строится на осмыслении национальных идей, идеалов, ценностей в рамках национальной безопасности. Для точности в изложении материала предлагается авторское осмысление таких понятий как: общенациональный (социальный) Идеал; Национальная Цель; личная безопасность; общественная безопасность; государственная безопасность.

С точки зрения исследования политического риска, в статье определяются, во-первых, серьезные вызовы (угрозы, риски) государству как таковому, которые таит глобализация. Во-вторых, повышается значимость оптимизации экономической составляющей в отношениях между Центром и регионами, которая предполагает становление наднациональных и региональных субъектов хозяйствования. В-третьих, применительно к вопросу стабильности и территориальной целостности РФ, возрастает актуальность межнациональных и региональных отношений в федеративных образованиях.

В качестве вывода в статье обосновывается, что оптимизация рискованного поведения должна сочетать рациональное отношение к риску и соблюдение принципа предупреждения. То есть рациональность – как способность субъекта к адекватному отражению действительности, постановке целей и их последующей реализации с помощью адекватных средств. А принцип предупреждения предполагает использование научно-практического арсенала (накопленных достоверных знаний) для моделирования различных ситуаций неопределенности с целью принятия соответствующих мер предосторожности.

***Ключевые слова:** политология, риск, политика, безопасность, национальное, социальное, личное, общественное, государственное, системное.*

Полагаем, что говорить о политическом риске следует не абстрактно, а применительно к национальным идеям, идеалам, целям, ценностям в рамках обеспечения национальной безопасности. Определимся с основными понятиями.¹

Общенациональный (социальный) Идеал – смысл исторической задачи формулирования и

осознания всем российским обществом модели будущего России, понимание того, чего мы, россияне, хотим сегодня в начале XXI века для себя, своих семей, Отечества. Это – благополучие Человека, Семьи, Народа, Государства, Безопасность их, Терпимость.

Национальная Цель – планируемый результат, единство мотивов, и средств. Ее природа – ценностно-рациональная. Совокупность общезначимых целей и задач деятельности всего спектра общественных движений, партий, фондов, всех конфессий. Развернутая во времени программа действий с прогнозируемым движением (по этапам) к достижению ясного, понятного и привлекательного

¹ Кутахов Ю.Л., Явчуновская Р.А. Человек. Полиэтнический Мир. Безопасность. (Опыт социально-политологического анализа). СПб, 1998. Т- 404 с.; Закон Российской Федерации «О безопасности» // Российская газета. – 6 мая 1992; Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. Опыты федерализма. – М.: Республика, 1994

образа жизни человека и семьи, состояния общества, народа и государства – благополучия.

Личная безопасность – состояние защищенности жизни и здоровья человека, его целей, идеалов, интересов, ценностей от опасных воздействий (физических, духовных, информационных, этнокультурных, социальных, экономических, техногенных, экологических, медико-биологических, военных, политических и т.д.).

Общественная безопасность – представляет собой совокупность общественных негосударственных структур, действующих в различных сферах безопасности, участвуя в судьбе как конкретной личности, так и всего общества, обеспечивая самоуправление.

Государственная безопасность – представляет состояние гарантированной защиты личности, общества, народа, образа жизни, государственных институтов, суверенитета страны, территориальной целостности и природных ресурсов, нерушимости ее границ, конституционности строя и системы управления страной. Общественная безопасность как реальная общественная система безопасности сопоставима и не противоречит государственной безопасности – они необходимо дополняют друг друга. Общественная и государственная системы безопасности созданы и развиваются конкретными личностями и для личностей, то есть и государство, и социум должны служить интересам личности. Как точно мысль А.Н.Бердяева: «Организация справедливого общества не есть цель, есть лишь средство для достойного существования человека» и что только «...личность есть граница власти природы, власти государства, власти общества».²

Таким образом, ядро национальной безопасности формируют безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства.

Национальная безопасность – совокупность актуальных факторов, обеспечивающих благоприятные условия для развития Федерации; нормальные отношения личности и государства; способность эффективно преодолевать любые внешние угрозы; руководствоваться своими национальными интересами.

Историко-социологическими предпосылками изучения безопасности личности в контексте государственной, общественной и национальной

безопасности являются работы русского историка Н.М.Карамзина.³ Неразрывная связь социологического и политологического подходов к безопасности личности у Николая Михайловича прозвучала в следующей мысли: «Оградите святыню закона неприкосновенность церкви, государя, чиновников и личную безопасность всех россиян; утвердите связи гражданские между ними, потом займитесь целостию собственности, наследствами, куплею, завещаниями, залогами и проч.; наконец, дайте устав для производства дел.»⁴. Там же читаем: «Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество; жертвуя честью, справедливостью, вредим последнему».

Обобщение научного творчества Н.М.Карамзина в контексте концепции безопасности человека позволяет выделить следующие смысловые блоки: общественная цель, общественные и государственные идеалы, главные ценности. Здесь подразумевается следующее: благополучие Отечества и благосостояние граждан – цель; Велика Россия, сильное государство, нравственная личность – идеал; единоначалие. Мудрость, безопасность. Законность. Терпимость, Святая Русь, честь, справедливость – ценности. Отсюда безопасность человека (личная безопасность) – это, прежде всего защита целей, идеалов и ценностей⁵.

Современный чешский ученый Вацлав Хубингер рассматривает изменение как результат процесса, который начался где-то в прошлом, а течение определенного времени «разгонялся», и теперь его результат – определенное «современное состояние». Первоначальное положение всего процесса понимается им как «состояние», несмотря на его процессуальный характер, и заключительное положение также воспринимается статическим, хотя в «действительности» речь идет об одном и том же процессе.⁶

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Книга первая. – М.: Книга. 1988.; Карамзин Н.М. Записка о древней и новой Росс в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, 1991.

⁴ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой Росс в ее политическом и гражданском отношениях. – М.: Наука, С. 94-95. 1991.

⁵ Пивоваров Ю.С. Время Карамзина и «Записка о древней и новой России». М.: С.4, 9.

⁶ Хубингер В. Антропология и современность // Международный журнал социальных наук. Май, 1998. №21. При участии РАН и изд-ва «Наука». С.93-105

² Бердяев Н.А. Философия неравенства. – М.: 1990.; Бердяев Н.А. Самопознание. – М.: 1991.

Современные отечественные ученые⁷ считают, что о перспективах безопасности страны в связи с состоянием федеративных отношений в РФ целесообразно говорить применительно к конкретным областям. В них сосредоточены основные на сегодня противоречия, формирующие реальную и потенциальную напряженность, угрозу стабильности страны. Основной фокус внимания предлагается сосредоточить на следующих вопросах:

1) идеологические компоненты устойчивости РФ; 2) сложившаяся практика отношений Центра и регионов в политическом, экономическом и социокультурном измерениях; 3) межнациональные отношения как фактор стабильности федеративных отношений; 4) тенденции глобализации как вызов безопасности РФ. Все перечисленное можно считать направлениями, определяющими факторы изучаемого нами политического риска.

О глобализации следует сказать особо, поскольку это не просто реалии сегодняшнего дня, это некие новые политические отношения, с которыми человечеству еще не приходилось сталкиваться. Это новое состояние эволюции мировых соотношений, которое влияет сейчас на жизнь большинства государств на планете. Рассмотрим непосредственно ключевые моменты, мотивирующие новое политическое поведение различных уровней федеративных отношений в интересах безопасности страны.

С точки зрения исследования политического риска, нас интересуют, во-первых, серьезные вызовы (угрозы, риски) государству как таковому, которые таит глобализация. Отсюда вытекает актуализация проблемы сохранения стабильности федеративных отношений, или, как следует из закономерности существования сложных систем, выведения этих отношений на новый эмерджентный уровень, являющийся оптимальным для текущего этапа существования государства. Во-вторых, повышается значимость оптимизации экономической составляющей в отношениях между Центром и регионами, которая предполагает становление наднациональных и региональных субъектов хозяйствования. В-третьих, применительно к вопросу стабильности и территориальной целостности РФ, возрастает актуальность межнациональных и региональных отношений в федеративных образованиях.

⁷ Россия на старте века. 2000-2004. Т. 5. Год 2004-й. / Отв. редакторы Иванов В.Н., Кузнецов В.Н. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2004. – С.4-5

Фундаментальное исследование динамики социокультурных процессов российского общества видным философом современности А.С.Ахиезером является первой удачной попыткой интегрального подхода. Сближение философии, истории, социокультурной антропологии, социо-политологии можно проследить в основных положениях его главного научного труда «Россия: критика исторического опыта: (социокультурная динамика России):

1. Идея раскола общества, основанная на традициях русско-советской и классической немецкой философии.
2. Анализ социальных изменений путем выделения ценностных (культурных) факторов (связь с социологической традицией М.Вебера, философией М.М.Бахтина, а также с французской структурной антропологией, семиотической традицией в отечественной культурной антропологии).
3. Историческая динамика и проблема цикла раскрывается через такие категории, как «человеческая история», «вызов истории», «альтернативность истории».

Ахиезер А.С. развивает методологические основы описания переходных периодов через анализ дуальных оппозиций, позволяющих выделить специфику динамики развития российского общества на социально-философском уровне. Раскол представляется им как специфика нашей страны и как объяснительный принцип для многих сложных общественно-политических явлений и процессов. Ученый одним из первых заметил, что еще никогда человечество не жило в условиях столь непрерывных глобальных изменений, усложнения человеческой реальности, возрастающей зависимости предотвращения негативных последствий этого процесса от нарастания соответствующей способности людей обеспечивать выживаемость. Эти процессы осмысливаются на всех уровнях. Это требует поворота методологии познания и деятельности в целом – к виртуальности, к мере способности людей подчинять себя, свою деятельность. Формируемые ими смыслы происходящих событий и решения текущих проблем новым условиям и средствам, превращать свое будущее в собственную проблему.⁸

⁸ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта: (социо-культурная динамика России). – Новосибирск: Сиб. Хронограф, Т.1. От прошлого к будущему. – 804 с., 1997.

Сложные социальные системы в современном обществе характеризуются быстрым изменением социальной среды. Исходя из таких перемен, Акофф выделяет четыре подхода к решению социальных проблем:

1. отказ от каких-либо действий, в надежде на то, что проблема исчезнет сама собой;
2. поиск частичных решений, смягчающих проблемную ситуацию до приемлемого состояния;
3. поиск оптимальных наилучших решений;
4. растворение проблемы (dissolution).

Четвертый подход характерен для методологии «мягких» систем (ММС), он ориентирует на поиск таких изменений в системе и окружающей среде, при которых проблема как бы исчезает. Акофф утверждает, что именно этот подход чаще всего привел его к успеху. Здесь следует существенная оговорка: Акофф является признанным специалистом в области решения проблем совершенствования управления и организации производственных процессов. Вот один из примеров успешного «растворения» проблем: завод, выпускающий разные виды оборудования, столкнулся с проблемой – резкие колебания спроса приводили к неравномерному использованию оборудования, что вынуждало администрацию то увольнять, то нанимать снова квалифицированных работников. Неустойчивость положения персонала ухудшала моральный климат, снижала производительность труда.

С помощью системного анализа проблема была «растворена» следующим образом. В качестве основного критерия функционирования была выбрана не максимизация прибыли, а равномерность загрузки оборудования. Из всей номенклатуры изделий были выделены два вида продукции, спрос на которые менялся в противофазе (летом максимум спроса приходился на один вид продукции, а минимум – на другой; зимой ситуация была обратной). Оба вида продукции производились на однотипном оборудовании, это позволило стабилизировать персонал, улучшить моральный климат и, в конечном счете, повысить производительность труда.⁹

На первый взгляд, какое отношение вышесказанное имеет к политическому риску? Тем более что популярные в 60-70-е годы подходы к изучению социальных систем, основанные на принципах ин-

женерного, жесткого системного анализа, нередко претерпевали фиаско. Казалось, что «системная эра» закончилась. Однако развитие Черчменом, Акоффом, Чеклендом, Ульрихом и рядом других ученых прикладных методологий, опирающихся на принципы исследования «мягких» систем, коренным образом изменило ситуацию. Предложенная Фладом и Джексонем концепция интеграции разрозненных системных методологий безусловно будет еще больше способствовать распространению системных идей – «тотальной системной интервенции». Идеи методологии мягких систем широко используются в управленческом консультировании, теории управления, в социологии организаций и социологии управления. Уже появились первые работы¹⁰, в которых есть попытка экстраполировать теоретико-практическую базу социологии управления на такую сложную систему как возможное опосредованное управление политическими рисками через разрешение межличностных конфликтов в системе национальной безопасности.

Большой вклад в системный анализ, исследование операций внес Р. Акофф^{11, 12, 13, 14}. Центральное место в его социосистемной идеологии занимает методология «интерактивного» планирования, включающая пять этапов:

1. анализ состояния организации и ее проблем;
2. разработка вариантов «идеализированного» будущего системы;
3. разработка средств достижения целей. На этой стадии отбрасывается часть недостижимых вариантов, предложенных на 2-ом этапе;
4. распределение имеющихся ресурсов (материалов, оборудования, персонала, финансов и т.д.)
5. планирование внедрения.

¹⁰ Сивков А.В. Социология управления как основополагающий принцип междисциплинарного исследования межличностных конфликтов. М. РИЦ ИСПИ РАН. 2005 г.; Сивков А.В. Диагностика и оптимизация разрешения межличностных конфликтов как фактор национальной безопасности. // Сборник научных статей «Россия: центр и регионы» №16. М. РИЦ ИСПИ РАН. 2005 г.

¹¹ Акофф Р. Планирование будущего корпорации. М., 1985

¹² Ackoff R.I. A Theory of Practice in the Social Systems Sciences. PASA. Laxenberg, 6-7 nov., 1986

¹³ Ackoff R.I. The Democratic Corporation. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1994

¹⁴ Ackoff R.I. Gharajedadhi J. Reflection on Systems and their Models // Systems Research. 1996. Vol. 13. №1. P. 13-23

⁹ Перегудов Ф.И., Тарасенко Ф.П. Введение в системный анализ. М., 1989.

Методология Р. Акоффа (номер 4 в таблице) предполагает:

а) целостность планирования – план разрабатывается сразу для всех частей и уровней системы;

б) непрерывность планирования – в плане невозможно предусмотреть все, поэтому при появлении существенных изменений необходима корректировка плана.

Такое «интерактивное» планирование может быть применено не на уровне общества в целом (хотя рациональное его зерно применимо, на наш взгляд, и для государственного уровня, особенно в работе Государственной Думы РФ), а на микроуровне для совершенствования деятельности организаций. Девиз Р. Акоффа «планируйте все или спланируют вас», также его идеи партисипативного управления находят в мировой практике все более широкое применение.

Проведем краткий обзор системного анализа, изучающего шесть социальных систем (табл. 3).

ции^{16, 17}. Данный подход ориентирован на решение формализуемых проблем, характерных для «жестких» систем (в таблице эти системы расположены под номером 1 и являются простыми с небольшим числом элементов.

Следует оговориться, что система может иметь огромное число элементов, но оказаться простой, если все взаимодействия унифицированы, и при этом система:

- во-первых, допускает достаточно простое (лаконичное) формализованное описание;
- во-вторых, «раскладывается» на относительно простые и понимаемые части.

Под номером 2 в таблице рассматриваются тоже «жесткие» системы, однако они представляют более высокую степень сложности. Для этого класса систем предложен целый ряд системных подходов, но наибольшую известность получила методология жизнеспособных систем С.Бира¹⁸, она основана на аналогиях между управлением организацией

Таблица 3

Основные методологии системного анализа

Системы	Унитаризм	Плюрализм	Принуждение
Простые	1. Исследование операций. Системотехника	3. Черчмен У. Методология стратегических предположений	5. Ульрих В. Методология критических систем
Сложные	2. Бир С. Методология жизнеспособных систем	4. Акофф Р. методология интерактивного планирования; Чекленд П. Методология мягких систем	6. Методологии не существует

«Жесткие» системы (первый столбец) характеризуются четкой, неизменной структурой. Для таких систем применение строгих количественных методов, основанных на формализованном описании систем, оказывается особенно эффективным. Методы исследования операций широко используются в самых различных областях человеческой деятельности, но главной целью этого научного направления является решение задач оптимальной организации производственных процессов.¹⁵ Под системотехникой понимается широкий класс методов проектирования как технических изделий, так и систем автоматизированной обработки информа-

и функционированием нервной системы и мозга человека.

Принципы исследования «мягких» систем наиболее глубоко разрабатывал У.Чермен, а его методология реализована в виде деловой игры и достаточно полно описана^{19, 20}.

¹⁵ Исследование операций. Методологические основы и математические методы: В 2-х т. /Под ред. Дж.Моудера и С.Элмаграби. М.: Мир, 1981.

¹⁶ Кальянов Т.К. CASE – структурный системный анализ. М., 1996

¹⁷ Марка Д.А., Мак-Гоуэн К.Л. Методология структурного анализа и проектирования. М., 1993

¹⁸ Бир С. Мозг фирмы. М.: Радио и связь. 1993

¹⁹ Чермен У., Акофф Р., Арноф Л. Введение в исследование операций М., 1977

²⁰ Cherchman C/W/ The systems approach and its enemies. N.Y.: Basic Books, 1979

Он утверждает, что успешное решение проблемы предполагает выполнение следующих основных принципов:

1. оппонирование – в слабоструктурированных проблемах можно разобраться, если рассматривать их с различных точек зрения;
2. участие – в процессе принятия решений должны участвовать представители всех заинтересованных сторон;
3. интегративность – в процессе обсуждения различные точки зрения должны синтезироваться на более высоком уровне, что приводит к выработке общего плана действий;
4. обучение – в результате участники процесса системного анализа начинают лучше понимать идеи управляющего аппарата и решаемые проблемы.

Рассмотрим две альтернативные парадигмы, объясняющие природу и значение системного подхода. В одном случае действительность рассматривается как системная (системы сотворены природой или человеком) и изучается систематически. В другом случае мир рассматривается как проблематичный, возможно системный, но слабоструктурированный, допускающий много интерпретаций. Реальность такого типа изучается также систематически. Понятно, что речь идет о «мягких» системах, в разработке методологии их изучения (ММС) наиболее перспективны идеи английского ученого П.Чекленда.^{21, 22} Система рассматривается не как часть реального мира, а как системно-организованный процесс его изучения. П.Чекленд разрабатывает ММС как системно-организованное руководство, помогающее справиться со сложностью окружающего человека реального мира. При этом подчеркивается, что эти проблемы могут быть решены только перманентно.

Традиционное жесткое системное мышление невольно заставляет исследователя искать систему в изучаемой социальной ситуации, навязывает рассмотрение социального объекта в четких системных рамках (структура – функция, цели – средства). Иногда это может существенно исказить реальную ситуацию. Жесткий подход оказывается неадекват-

ных при изучении общественных явлений потому, что социальные системы в качестве активных элементов включают в себя индивидов и группы, которые имеют собственные цели, взгляды, установки, определяющие выбор решений и действий. Исходя из этого, П. Чекленд вводит понятие активной системы (Human activity system), в которой участники социальной группы действуют в соответствии со своей картиной мира, в рамках правил и практик, принятых в данном социуме (в данном контексте – культуре). Причем интерпретации социальных явлений могут кардинально различаться – так, например, одно и то же событие может восприниматься как терроризм и как борьба за свободу.

Методология «мягких» систем предназначена для выявления различных точек зрения и постепенного достижения взаимопонимания. Именно в этом состоит ее принципиальное отличие от традиционного жесткого подхода, позволяющее говорить о становлении новой системной парадигмы.

Для методологии «мягких» систем актуален акцент на преодоление барьеров, мешающих творческому мышлению, использование эвристик для усиления креативности мышления, на изменение устоявшихся стереотипов.

Проблемы, рассматриваемые в рискологии применительно к техническим системам, связывают представлениями теории надежности. Однако ряд положений теории надежности может быть экстраполирован на другие более сложные системы²³, в частности социально-политические, экономико-экологические системы могут описываться случайным вектором:

$$X = (t) (X_1(t); \dots; X_n(t))$$

Случайный вектор, в частности, может быть одномерной переменной, принимающей всегда два значения: 1, если система работоспособна, и 0, если система находится в состоянии отказа. Такой подход правомерен указанных систем крайне редко, а поэтому требует усложнения представлений.

Компоненты вектора $X(t)$ могут быть значениями различных факторов системы.

Случайный вектор $X(t)$ характеризуется распределением вероятностей $F(x_1; \dots; x_n; t)$, т.е. вероятностью того, что $X_1(t) \leq x_1; \dots; X_n(t) \leq x_n$.

²¹ Checkland P. The Emergent Properties of Use: A Symposium by Reflective Practitioners //Systemic Practice and Action Research. Vol. 13. №6. 2000. P. 799-823

²² Checkland P.B., Scholes I. Soft Systems Methodology in Action. Chichester: Wiley, 1990

²³ Буянов В.П., Кирсанов К.А., Михайлов Л.М. Рискология (управление рисками): Учебное пособие. – 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во «Экзамен», 2003. С.25-28

В теории надежности каждому состоянию $x = (x_1; \dots; x_n)$ ставится во взаимно однозначное соответствие некоторая числовая функция $g(x)$. Для приведенного примера с двумя состояниями $g(1) = 1$ и $g(0) = 0$.

Математическое ожидание этой целевой функции (в теории надежности ее называют функцией выигрыша) $G(t)$ в момент t является основополагающей величиной. Такая функция обычно вычисляется по формуле $G(t) = \int_{\Omega} g(X(t)) dF(x_1; \dots; x_n)$.

Далее, как правило, усредняют саму функцию $G(t)$ на некотором интервале времени $d \leq t \leq b$ с учетом некоторой весовой функции $W(t)$ и получают $H(d, b) = \int_d^b G(t) dW(t)$.

Следующей процедурой является определение входящих в формулы функций так, чтобы из этих выражений получить различные количественные показатели, используемые в теории надежности. Наиболее часто используют представления о вероятности безотказной работы (надежность – reliability), то есть устройство выполняет свои функции с соответствующим качеством в течение заданного интервала времени. Обычно рассматривается постоянный интервал времени $[0, t]$. Далее делаются предположения, которые позволяют ввести строгим образом представления о надежности. Пусть $X(u) = 1$, если в момент времени устройство функционирует нормально, и $X(u) = 0$ в противном случае. Предполагается, что нормальное функционирование в момент времени t эквивалентно нормальному функционированию устройства на всем интервале времени $[0, t]$. Тогда получается $G(t) = E g(x(t)) = P[x(t) = 1]$, где $P[x(t) = 1]$ – вероятность того, что устройство нормально функционирует в течение интервала времени $[0, t]$.

Предложенная функция $G(t)$ есть надежность устройства в соответствии с приведенным определением. В теории надежности предполагают, что если не производится ремонт устройства или замены отказавших элементов, то состояние в момент времени t полностью определяет характер поведения системы в интервале $[0, t]$.

Если известны значения весовой функции $W(t)$, то можно перейти к представлениям о риске, которые в первом приближении оцениваются следующим образом: $R = 1 - H(d, b)$, где R – величина риска.

Политическая культура представляется нам как одна из центральных составляющих в системе возможностей оптимизации политического риска.

Проанализируем место и роль политической культуры как элемента политической системы, в рамках которого реализуются определенные виды общественных и политических отношений, поведения и т.д. Следует помнить, что политическая культура как феномен социальной реальности не состоит из отдельных изолированных предметов, а представляет собой некоторое целостное образование. Именно целостность определяет те интегральные качества, которые присущи отдельным составляющим компонентам системы. По предлагаемой логике видения политической культуры видится ряд базовых компонент системы: 1) объекты – единицы, образующие систему; 2) свойства системы, специфичные для каждого из объектов; 3) внешние и внутренние связи изучаемого объекта; 4) отношения (внутренние и внешние), не имеющие, подобно связям, вещественно-энергетического, субстратного характера; 5) состояние фазы функционирования объекта; 6) различные этапы, стадии, ступени, уровни, ветви развития объекта.²⁴

Важное воздействие на поведение людей играет массовая культура (как одна из компонент политической культуры). Так антропологи Б.Малиновский и А.Р. Редклифф-Браун в начале XX века, как известно, отошли от эволюционизма и создали свою функциональную теорию, обосновывая этот шаг необходимость исследования значения культурных явлений для повседневного существования общества. По их представлению, общество есть своего рода организм, в котором отдельные компоненты выполняют конкретные функции для сохранения всей общественной системы. Позднее Б. Малиновский обобщил основные аспекты функционализма и сформулировал следующие положения:

- культура представляет собой инструменты, с помощью которых человек решает определенные проблемы, связанные с удовлетворением своих потребностей в окружающей среде;
- культура – это система предметов, деятельности и социальных позиций. В которой каждая часть служит средством достижения некоторой общей цели;
- культура – это целостность, в которой отдельные элементы находятся во взаимной зависимости;
- в культуре действия, социальные позиции и предметы связаны между собой с социальными

²⁴ Тьютин В.С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972. С.13

институты. Например, семья, клан, община, племя и союз племен служат для экономической кооперации людей, выполняют политические, правовые, воспитательные и другие функции;

- с точки зрения типологии социальных действий (динамической стороны), культуру можно изучать в разных аспектах, например, как систему образования, социального контроля, экономики, знания, веры и морали, творческого типа поведения, политики и т.п.²⁵

Сегодня, к примеру, влияние «телевизионного насилия» на социальное поведение является общеизвестным фактом. Научное исследование на эту тему достаточно валидно представлено в работе Л.Хелла и Д.Зиглера²⁶. Если сравнить среднее время, затраченное на просмотр телепередач россиянами и американцами, то получается, что средний американец старше 18 лет смотрит телевизор 18 часов в неделю.²⁷ У россиян в зимний период просмотр телепередач доминирует над остальными видами досуга.²⁸ У городского работающего населения просмотр телепередач вместе с общением занимает 57% рабочего времени.²⁹

Понятно, что на процесс социализации, социальное поведение и формирование протестного поведения оказывает влияние не только телевидение, но и остальные продукты культуры, окружающие люди, социальные слои общения и референтные группы. Восприятие субъектов в процессе социализации во многом зависит от того, насколько те или иные риски поддерживают или нарушают ценности и образ жизни людей той группы, к которой принадлежит индивид («культурные» теории риска).

²⁵ Малиновский Б. Научная теория культуры. / Пер. с англ. И.В.Утехина М.: ОГИ, 1999.

²⁶ Хелл Л., Зиглер Д. Теории личности. (Основные положения, исследование и применение). СПб., Питер Пресс. 1997. 417 с.

²⁷ Туроу Л. Будущее капитализма. Как экономика сегодняшнего дня формирует мир завтрашний. // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. / Под ред. В.Л.Иноземцева. М.: Academia 1999. С.218-221.

²⁸ Шуралева Е.Ф. Свободное время в провинциальной России // Доклады II Всероссийского социологического конгресса «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». В 2 т. М.: 2004. Т. 2, С.653-659

²⁹ Патрушев В.Д. Бюджет времени городского работающего населения США и России (1980-1990 –е годы) // Социологические исследования, 2003, №12. С.35.

Важными лимитирующими факторами политической культуры являются переменные, отражающие состояние различных ее сторон, например, «уровень принятия политических ценностей того или иного типа», «степень протестного участия», «готовность к социально-политическому партнерству» и т.п. Сама по себе политическая культура в рамках системного видения как некоторая целостность предполагает учет динамики её процессов, и должна рассматриваться не как изначально заданное, а как конкретное, характерное для определенного исторического периода состояние.

Для анализа политической культуры используются макро- и микроподходы.

Под макроподходом понимается такой взгляд, когда за исходное берется общество в определенный момент его развития. Политическую культуру на микроуровне правомерно рассматривать как некоторое явление, вносящее определенный вклад в поддержание (или, наоборот, нарушение) общества как системной целостности.

Исходя из сложности, многоаспектности, многоуровневой политической культуры, выделим два основных уровня ее проявления:

1. Общественные и политические структуры и институты. Этот уровень соотносится с практикой функционирования политической системы в целом, то есть здесь речь идет о нормах, правилах, моделях управленческих решений и т.п., действующих в процессе функционирования институтов.
2. Групповое и индивидуальное состояние и поведение граждан. Здесь политическая культура выражается в устойчивых характеристиках политического сознания (идеях, ценностях, представлениях) определенного периода. Сюда же относится такой важный компонент как повторяющиеся во времени характеристики (параметры, модели, образцы) политического поведения.

Безусловно, означенные уровни находятся в состоянии взаимовлияния.

Как показывает практика, стратегия оптимизации рискованного поведения должна сочетать рациональное отношение к риску и соблюдение принципа предупреждения. То есть рациональность – как способность субъекта к адекватному отражению действительности, постановке целей и их последующей реализации с помощью адекватных средств. А принцип предупреждения предполагает использование научно-практического

арсенала (накопленных достоверных знаний) для моделирования различных ситуаций неопределенности с целью принятия соответствующих мер предосторожности.

Библиография

1. Акулич М.М. «Конфликт и согласие». Материалы XIX Всемирного конгресса Международной ассоциации политической науки. Дурбан, июнь 2003 г. С. 248-257
2. Владимиров В.А., Воробьев Ю.Л., Салов С.С. и др. Управление риском: Риск. Устойчивое развитие. Синергетика.- М.: Наука. 2000. – 431 с.
3. Зубков В.И. «Риск как предмет социологического анализа». Дисс. на соиск. уч. ст. д.с.н., М.: 2005. С.142
4. Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. М., 2003
5. Политическая социология / Под ред. В.Н.Иванова, Г.Ю.Семигина М., «Мысль». 2000. С.89
6. Риск в социальном пространстве / Под ред. А.В.Мозговой. М.: 2001.
7. Риск: социологический анализ, коммуникация, региональное управление / Под. ред. А.В.Мозговой. М.: 2004.
8. Lagadec P. Ruptures creatrices. P., 2000
9. New risks, new welfare: Singposts for social policy / Ed. By N. Manning, I. Shaw. Oxford, 2000
10. Proceeding of the United States scale hazards /Ed/ by E. Quarantelli. DRC, 1993
11. Slovic P. The perception of risk. L.: Sterling, VA., 2000.

References (transliteration)

1. Akulich M.M. «Konflikt i soglasie». Materialy XIX Vsemirnogo kongressa Mezhdunarodnoy assotsiatsii politicheskoy nauki. Durban, iyun' 2003 g. S. 248-257
2. Vladimirov V.A., Vorob'ev Yu.L., Salov S.S. i dr. Upravlenie riskom: Risk. Ustoychivoe razvitie. Sinergetika.- M.: Nauka. 2000. – 431 s.
3. Zubkov V.I. «Risk kak predmet sotsiologicheskogo analiza». Diss. na soisk. uch. st. d.s.n., M.: 2005. S.142
4. Zubok Yu.A. Problema riska v sotsiologii molodezhi. M., 2003
5. Politicheskaya sotsiologiya / Pod red. V.N.Ivanova, G.Yu.Semigina M., «Mysl'». 2000. S.89
6. Risk v sotsial'nom prostranstve / Pod red. A.V.Mozgovoy. M.: 2001.
7. Risk: sotsiologicheskii analiz, kommunikatsiya, regional'noe upravlenie / Pod. red. A.V.Mozgovoy. M.: 2004.
8. Lagadec P. Ruptures creatrices. P., 2000
9. New risks, new welfare: Singposts for social policy / Ed. By N. Manning, I. Shaw. Oxford, 2000
10. Proceeding of the United States scale hazards /Ed/ by E. Quarantelli. DRC, 1993
11. Slovic P. The perception of risk. L.: Sterling, VA., 2000.